

Н. В. Успенский

А. И. Левитов

Сын тамбовского дьякона - Александр Иванович по окончании семинарского курса поступил в число студентов Петербургской медицинской академии и был беден до такой степени, что за неимением одежды ни разу не посетил ни одной лекции, питаясь одним черным хлебом. Однажды он вследствие сухоядения сильно занемог и казеннокоштные студенты решились, несмотря на строгий надзор дежурных офицеров, провести его в академическую столовую, чтобы подкрепить его силы питательной пищей. Его облачили в длиннейший казенный сюртук и благополучно провели в столовую. Но в другой раз один из дежурных офицеров заметил "контрафакцию" и строго запретил будущему литератору посещать казенную столовую. Не прошло и года после поступления А.Ив. в академию, как он, по причине расстройства здоровья, сначала долго лечился в больнице, а потом уехал на родину, откуда в скором времени отправился пешком в Москву. "Около села Молодей, - рассказывал он, - я до того ослабел, что почти целые сутки пролежал в канаве и от голода буквально ел землю..." В Москве ему удалось сблизиться с издателем "Зрителя" Колошиным, который, заметив блестящий талант Левитова, поддержал его материально, и с этого времени началась литературная деятельность покойного. Из Москвы он перебрался в Северную Пальмиру, где принимал участие во многих журналах и прославился своими "Степными очерками". Но слабое здоровье и пристрастие к алкоголю не дали вполне развернуться его творческим силам. Часто претерпевая суровую нужду, А.Ив. был озлоблен на весь мир, особенно на издателей и редакторов, которых называл эксплуататорами. Энергия его к труду и литературная производительность заметно слабели с каждым днем, хотя имя его пользовалось такой громкой известностью, что каждый новый издатель журнала считал долгом пригласить автора "Степных очерков" к себе в сотрудники; в свою очередь, Левитов считал необходимым "заполучить авансу, - как он выражался, - с нового эксплуататора..."

- Да с ними иначе и нельзя, - пояснял Александр Иванович, - они строят себе дома, ездят в каретах, а наш брат ходит чуть не на голенищах... Вон Некрасов купил себе огромное имение и соорудил винокурный завод, это поэт-то, оплакивающий меньших братьев!.. А сколько он выигрывает в карты в Английском клубе!.. Однажды я пришел к Некрасову часов около одиннадцати утра. Он еще спал. Смотрю, в передней на столике перед зеркалом стоит шляпа, битком набитая радужными, из которых многие даже устилали пол. Я просто остолбенел при виде этой картины, и когда в передней очутился лакей, сказал ему: "Послушай, Василий, я, брат, того... ты, пожалуйста, не подумай, что я взял что-нибудь... Сочти, ради Бога, все ли деньги целы..." - "...Ну, что их считать! У барина такая привычка: как приехал из клуба, так сейчас в постель... известное дело, по дороге-то в спальню и теряет деньги, а ими у него набиты даже все карманы. Впрочем не беспокойтесь, барин тоже не промах: у него все денежки сосчитаны..." - И вот эти-то богачи, - продолжал Левитов, - трясутся над жалкой копейкой. Однажды меня застигла такая нужда, что я принужден был обратиться к Некрасову за авансом (хотя, сказать правду, мне эти авансы неоднократно выдавались из конторы). Некрасов наотрез отказался выдать мне 25 целковых. "В таком случае, - вспыхнул я, - знаете, что я сделаю сейчас? Выброшусь из вашего окна на мостовую..." - "Сделайте милость, бросайтесь!" - захрипел Некрасов и растворил окно настежь...

На склоне своей литературной деятельности Левитов навсегда переехал в Москву, где даже по временам пробивался уроками в частных пансионах. Издатель "Будильника" Сухов предложил ему просматривать поступающие в редакцию статьи. Проездом через Москву я завернул в сказанную редакцию и увидел Левитова. Он сидел за письменным столом и просматривал рукописи, с ожесточением бросая в корзину бездарные вещи и приговаривая:

- Всякая безграмотная тварь тоже лезет на Парнас.

- Это стихотворение тоже не пойдет, - вдруг отнесся к Левитову лакей, стоявший за спинкой редакторского кресла, - потому что господин Вабилов сделали вот эту пометку карандашом...

- Каков скот! - мигнув по направлению к лакею, шепнул мне Левитов. - Вот тут и работай!..

Он бросил на стол какую-то объемистую рукопись, быстро встал из-за стола и обратился ко мне:

- Пойдем-ка лучше чайку попьем... Уж и надоела эта каторжная жизнь... Теперь я, знаешь ли, уехал бы в какую-нибудь глухую-глухую деревушку, лег бы на траве под лозинкой и без просыпу спал бы целых три года!

О последних днях жизни Левитова я не имею никаких сведений. Знаю только, что он умер от чахотки в больнице и похоронен на Ваганьковском кладбище.

Впервые опубликовано: Успенский Н.В. Из прошлого. М., 1889.

Оригинал здесь: http://dugward.ru/library/levitov/uspenskiy_levitov.html